

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ТЕХНИКА СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Кусов Геннадий Владимирович

*Кан. филологических н.,
ст. преп. каф. политологии и права,
КубГТУ, г. Краснодар
E-mail: de_france@mail.ru*

В последнее время исследование продуктов речевой деятельности стало актуальным и востребованным явлением в юридической практике в связи с серьезными изменениями по демократизации общественной и частной жизни. Обращение к судебной лингвистической экспертизе имеет нормативно-правовую основу, утвержденную приказом Минюста России № 36 от 09.03.06, узаконившим виды экспертиз, в том числе и проведение лингвистической экспертизы. Неудивительно, что насколько широк и многообразен может быть круг правовых обстоятельств, требующих для своего решения проведения лингвистических экспертиз, настолько сложен и противоречив предмет лингвистического исследования. В конечном итоге результаты лингвистической экспертизы представляют собой доказательственную базу, т. е. факты, имеющие юридическое значение по уголовным, гражданским или арбитражным делам.

Один из самых сложных этапов производства лингвистической экспертизы – формулировка вопросов, на которые будет отвечать эксперт. Основная задача составления «вопросника» к эксперту – это языковая составляющая исследования, т. е. отсутствие прямого указания на юридическую составляющую спора. Эксперт описывает причинно-следственную связь решаемого дела обыденным языком в логической последовательности, присущей обыденному сознанию, опираясь на принятые в профессиональной среде традиции (до тех пор, пока не будут приняты кодифицированная нормативно-правовая база или акты толкования права).

К сожалению, на сегодняшний день не выработано единых критериев проведения лингвистических экспертиз, т. е. при достаточно высоком уровне понимания всей значимости решаемых лингвистами-экспертами задач, не разработана универсальная техника проведения лингвистических экспертиз.

Технико-процедурное обоснование лингвистической экспертизы должно быть закреплено на законодательном или корпоративном уровне, чтобы избежать казуальности выбора метода ее проведения и избежать мнения о невозможности создания единых критериев лингвистической экспертизы ввиду многозначности семантических единиц, т. е. полисемии языка.

Решение проблем техники проведения лингвистической экспертизы зависит, прежде всего, от однообразного понимания лингвистической и юридической терминологии, установления универсальных правил и требований в данной области экспертологии.

Социальные феномены представляют собой определенным образом выстроенные языковым сознанием «понятийные системы, формирование и дальнейшая эволюция которых подчинены законам общественного развития» [8, с. 23]. Право, несомненно, является феноменом любой культуры, поэтому нельзя не учитывать роль права в развитии лингвокультуры этноса, состоящей из стереотипных образований или компонентов ценностного содержания культурной системы общества (наряду с моральными, эстетическими, религиозными ценностями). Право и возникает в культуре как ценностный механизм социального обеспечения согласованности действий в обществе, призванный поддержать генетическую установку на выживаемость человека как биологического вида.

Правовая норма, как вид социальной нормы, является регулятором массового поведения, она опирается на единые и общие критерии, определяет меру дозволенного, должного и запрещенного, границы допустимого и обязательного, варианты поведения. Норма права – такой образец, который

принимает форму безличного, всеобщего и общеобязательного требования, это всеобщий принцип поведения, результат обобщения массовой социальной практики – однотипных действий и поступков большого числа индивидов при множестве характерных ситуаций [2, с. 17].

Древнее человеческое сознание изначально при освоении действительности и формировании языка, как всеобщего кода познания путем отражения, разделило мир на полезные и бесполезные, хорошие и плохие, красивые и безобразные части. И. Кант заложил основу классификации понятий моральной антропологии, первоначальных задатков, лежащих в основании системы нравственных ценностей человека: а) задатки природные, животные (в форме стремления к самосохранению, продолжения своего рода и влечения к общительности); б) задатки человечности как существа разумного, которое судит о себе, сравниваясь с другими, добивается признания своей ценности во мнении других, но при этом хочет добиться превосходства над другими; в) задатки личности, выраженные в способности воспринимать уважение к моральному закону [5, с. 119].

Речь также является продуктом социальной жизни человека и, как социальное явление, детерминирована социальными правилами, следование которым приводит к достижению того результата, к которому стремится адресант при выборе речевых ходов, ведущих к успешной реализации невербальных целей. Кроме того, любой индивид, вступающий в коммуникативный акт, ожидает от собеседника адекватного к себе коммуникативного поведения, которое является частью единой «социальной системы, включающей права и обязанности» ее членов [6, с. 5].

Язык является источником социальной самоидентификации и референтной диверсификации. При формировании своих установок и убеждений или при осуществлении своих действий индивид сравнивает себя с сообществами себе подобных, чьи установки, убеждения и действия воспринимаются им как достойные подражания, или противопоставляет себя воображаемой

референтной группе, которая воплощает в себе социальный «антиобразец», подчеркивая различие между собой и другим индивидом.

Адресат может и не принадлежать на самом деле к указанной в речи референтной группе. Но из-за того, что адресат не может быстро доказать при помощи средств логического отрицания принадлежность к социально непривлекательной группе (ксенолекту), у пассивных реципиентов создается негативное мнение об индивиде, который стал объектом вербальной агрессии. Осознание этого факта или его предположение вызывает у адресата чувство утраты своей социальной значимости в глазах окружающих. Предоставление негативной информации об адресате, не соответствующей действительности, приводит к искажению социального образа личности среди остальных членов общества, т. е. уменьшает ее социальную привлекательность.

Речевая единица, которая в своем прагматическом выражении опирается на систему социальных стереотипов осуждаемого поведения, автоматически включается во взаимодействие социальных субъективных оценок и изменяет сложившийся социальный портрет как адресанта, так и адресата. Адресная негативная информация о лице создает предпосылки образования в сознании окружающих его людей нового образа, который будет отличаться от первоначального своим искаженным или «извращенным» видом (ср., лат. *perverto* – губить, портить, извращать). Таким образом, при адресной направленности вербальной агрессии и ее способности понизить социальную привлекательность личности, можно говорить о том, что лицо подверглось насилию в виде коммуникативной перверсии [9, с. 45].

Искажение социального образа личности способно причинить моральный вред чувствам, т. к. наносит урон имиджу, портит социальный портрет и ведет к утрате предыдущей социальной значимости в глазах коллектива, от которого личность ждет социального признания. Не зря в древних обществах самым суровым наказанием признавалась социальная смерть в виде изгнания

провинившегося из общины, что приводило к физической смерти или попаданию в зависимость [4, с. 14].

Коммуникативная перверсия инициирует протест против навязываемой в речи социальной идентификации с социально непривлекательной группой и порождает убежденность в необходимости восстановить в первоначальном объеме заниженный социальный статус при помощи норм социального контроля.

Коммуникативная перверсия имеет два плана определения: 1) искажение персональной информации о лице – социометрический критерий оценки, т. е. прямая негативная оценка качеств человека; 2) пренебрежение коммуникативной нормой – социально-стилистический критерий оценки, т. е. создание условий умаления качеств социальной репрезентативности языковой личности.

Явление коммуникативной перверсии заключается в преднамеренном или неумышленном речевом искажении социального статуса оппонента в негативную сторону с точки зрения норм морали. Эффект коммуникативной перверсии реализуется через индексы социальных отношений и приводит к коммуникативному конфликту.

Оскорбление – иллокутивный речевой акт, принимающий вид речевого поведения, результатом которого является вынесение оценки о моральном поведении или даже проступке адресата. Такое коммуникативное поведение предполагает наличие «условия единства собеседников в оценке друг друга в качестве лиц, полномочных осуществить данную конвенцию» [7, с. 289], т. е. конвенцию на вынесение и принятие оценки. В случае с оскорблением для адресата отсутствие такой конвенции и порождает чувство «незаслуженной обиды», которое он трактует как оскорбление. При реакции адресата на ругательство, брань или богохульство, которые могут и не содержать негативной оценки адресата, также принимается во внимание отсутствие согласия или конвенции на стилистическую уместность словоупотребления,

что квалифицируется как *оскорбление* из-за того, что взламывается интимное пространство, ввиду отсутствия полномочий на проникновение в сферу частного социального пространства личности.

Оскорбление является иллокутивным концептом, представляющим собой вербально-ментальную единицу, универсальные признаки которой проявляются при реализации в общении, раскрывающем этнокультурные, социальные и прагматические аспекты иллокутивного речевого акта. Содержание концепта «оскорбление» в лингвокультуре сводится к следующим признакам: 1) предметно-образная сторона концепта отражает общественные отношения, возникающие по поводу социального статуса личности; 2) понятийная сторона передает этнокультурные представления о коммуникативном поведении, реализующем стратегии речевой агрессии, нарушающие нормы коммуникативного кодекса; 3) ценностная сторона отображает нормы аксиологического кодекса языка, санкционирующие ответственность за причинение вреда социальной привлекательности личности (за коммуникативную перверсию).

Разрешение правового спора по делам об «оскорблении», «клевете» или «защите чести, достоинства и деловой репутации» зависит от лингвистической экспертизы – особого вида исследования речевых объектов, устанавливающих поставленную под сомнение истинность или модальность описательных высказываний об объекте правовой защиты. Поэтому, качество судебной лингвистической экспертизы опирается, в первую очередь, на существующие к данному моменту теории языка и разработанные в лингвистике методики исследования лингвистических объектов [3, с. 34].

Лингвистическая экспертиза — один из видов лингвистического исследования, который назначается уполномоченным лицом (органом) с целью установления юридически значимых фактов. В процессуально-юридическом аспекте лингвистическая экспертиза — вид деятельности, который

регулируется соответствующими процессуальными отраслями (или нормами) права (ГПК РФ, УПК РФ, АПК РФ, КоАП РФ). Таким образом, экспертиза является одним из способов или средств получения доказательственной информации и назначается, когда эту информацию невозможно получить иными способами.

Предметом экспертизы является определённый лингвистический срез исследуемого объекта. Объектом лингвистической экспертизы являются продукты речевой деятельности (высказывания, тексты, лексемы, словесные обозначения товарных знаков и т. п.). По отношению к источнику информации об объекте исследования экспертные исследования могут быть разделены на следующие два класса:

- непосредственные (эксперт анализирует «непосредственный» источник информации — зафиксированное с той или иной степенью полноты на определенном носителе информации (например, печатный текст или аудиозапись) спорное речевое произведение);
- опосредованные (анализируются «косвенные» источники — показания свидетелей, судебные протоколы).

Лингвист-эксперт отвечает только на те вопросы, которые поставлены, и в той форме, в которой они поставлены. Лингвист-эксперт действует только в пределах своей компетенции, то есть не переходит на позиции юриста, не имеет права пользоваться юридическими терминами.

Язык описания экспертизы – тоже проблема 1) эксперт-лингвист не может ссылаться на юридическую терминологию, он имеет особый статус участника процесса; 2) эксперт-лингвист не может использовать лингвистическую терминологию – текст экспертизы будет не понятен остальным участникам процесса ввиду отсутствия у них специальных познаний; 3) эксперт-лингвист, в силу отсутствия специальных юридических познаний, не до конца понимает значение судебной лингвистической экспертизы, целью которой в конечном

итоге является установление причинно-следственных связей, устанавливающих наличие\отсутствие юридических фактов.

Таким образом, управомоченное лицо, не имеющее специального филологического образования, «наводящими вопросами» пытается собрать доказательства по установлению юридических фактов при помощи лингвиста, не имеющего представления о том, что он должен установить «причинно следственную связь» речевого акта, вовлеченного в дискурсную реализацию.

Следовательно, при существовании разных уровней дискурсной реализации «оскорбления» перед исследователем возникает задача выработки критериев оценки оскорбления и оскорбительности, т. е. критериев детекции оскорбления в обыденном сознании и критериев его диагностики в праве. Проблема верификации валидности «оскорбления» в более широком смысле порождает требование выработки терминологического аппарата, описывающего некоторую «эталонность» методов исследования

В данной работе предлагается разделять лингвопрагматические модели коммуникативной перверсии (критерии оскорбительности) на следующие ступени:

I. Модель-символ (оскорбление как формальный состав преступления, вред чести и достоинству как гражданско-правовой деликт)

Примеры:

1. Фаллическая символика (пошел на х...й, мудило).
2. Одиозная символика (Иуда, Гитлер, Геббельс).
3. Мат, обценная лексика (запрет на использование ввиду высшей степени грубости: штопаный го...дон, долбо...еб).

II. Модель-свойство - оскорбление свойством слова нести отрицательную «энергетику» (вред чести и достоинству личности как гражданско-правовой деликт).

Примеры:

1. Использование зоосемантических метафор (свинья, обезьяна, мокрая курица).

2. Использование слов и выражений, обозначающих преступную, антиобщественную, социально вредную деятельность (вор, мошенник, проститутка, алиментщик).

3. Использование медицинской терминологии (дебил, олигофрен, даун).

4. Использование пренебрежительной лексики идентификации лица по национальному или расовому признаку (чурка, гондурасец).

III. Модель-демонизация (нет прямого указания на причинение значительного вреда социальной значимости лица, для юридической квалификации необходимо проведение комплексной экспертизы затрагивающей анализ контекста и коннотативных значений слова).

Примеры:

1. Идентификация лица по профессиональному признаку (палач, клоун, холуй, сапожник, мент, горилла).

2. Идентификация лица по половому признаку (гей, голубой, трахаль).

3. Сравнение с мифологическим или литературным персонажем, создание обобщенного типа художественного произведения (Циклоп, Цербер, Чичиков).

4. Аморальное поведение, грехопадение (сатана, ренегат).

5. Использование лексики политического противостояния (спекулянт, валютчик, левый рейс).

6. Использование для характеристики лица лексики, определяющей личные деловые качества человека, его умственные способности, недостатки строения тела (делец, воротила, балда, карлик, дурак).

7. Использование негативно-оценочных прилагательных, адресованных конкретной личности (чокнутый, отмороженный).

8. Использование суффиксов субъективной оценки (работничек).

9. Отождествление лица с отходами жизнедеятельности (говно).

IV. Модель-фон (нет прямого указания на причинение значительного вреда социальной значимости лица, для юридической квалификации необходимо проведение комплексной экспертизы, затрагивающей анализ контекста).

Примеры:

1. Использование эвфемизмов, обозначающих антиобщественную деятельность (женщина легкого поведения)
2. Использование идиоматических и устойчивых выражений с негативной оценкой (черного кобеля не отмоешь добела, конь с яйцами, в гробу я тебя видел, в белых тапочках)
3. Использование «приращенного смысла» к нейтральной лексике («узколобый ковбой со своим послушным островным пуделем» - руководители США и Великобритании; «Правда», 25.03.03)

Список литературы:

1. «О внесении изменений в Приказ Минюста РФ от 14.05.03 № 114 «Об утверждении перечня родов (видов) экспертиз», Приказ Минюста РФ от 09.03.06 № 36 // Новости Консультант Плюс [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://content.mail.ru/arch/10330/1048039.html>
2. Галяшина Е.И. Теория и практика судебной экспертизы [Текст].- СПб: Питер. - 704 с.
3. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 1999. – С. 11-57.
4. Исаев И.А. История государства и права России [Текст]. – М.: Юрист, 1994. – 448 с.
5. Кант И. Сочинения. Т. 2. [Текст]. – М.: Мысль, 1964. – 748 с.
6. Карасик В.И. Язык социального статуса [Текст]. – М.: ИТДК «Гнозис», 2002. - 333 с.

7. Клюев Е.В. Речевая коммуникация: Учеб. Пособие для университетов и вузов [Текст]. – М.: ПРИОР, 1998. – 320 с.
8. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография [Текст]. - Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
9. Кусов Г.В. Коммуникативная перверсия как способ диагностики искажений при оскорблении // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2005. - С 44 – 56.